

Пятьдесят лет назад началась профессиональная деятельность Любови Николаевны Шаминой. 25 октября 1967 года она была принята на работу главным хранителем в Алтайский музей изобразительного и прикладного искусства. Она стала одним из самых известных искусствоведов в крае, организатором масштабных и уникальных вернисажей

Я хочу рассказать вам о своем музее, чем он был и остается в моей жизни. Я имею на это право, так как провела в его стенах более тридцати лет: работала экскурсоводом, библиотекарем, научным сотрудником, главным хранителем, директором.

А начиналось все в далеком 1965 году, я училась на втором курсе филфака Барнаульского пединститута. В наш город приехала выставка из Русского музея. На последнее занятие перед весенней сессией к нам пришел декан факультета Николай Степанович Черемисин с незнакомым пожилым мужчиной, сухоньким, небольшого роста, в светлой шляпе. Николай Степанович представил студентам директора Алтайского краевого музея изобразительных и прикладных искусств Бориса Андреевича Романенко. Декан передал нам просьбу руководителя музея поработать на экспозиции три месяца экскурсоводом кому-нибудь из студентов, пока научные сотрудники музея сдают экзамены в Академии художеств в Ленинграде. В аудитории воцарилась тишина, никто не хотел заваливать сессию, а первый экзамен мы сдавали через два дня. Многие студенты даже не знали, где находится музей, чем он занимается. Ни у кого из присутствующих не было желания работать

с материалом, о котором они не имели ни малейшего представления. Декану ничего не оставалось делать, как просто назначить кандидатуру экскурсовода и его взгляд... остановился на мне. «Я помню, — сказал он, — ваши беседы о художниках на практике, защищать честь института придется вам, а сессию мы поможем сдать». Это прозвучало, как приговор, мне ничего не оставалось делать, как согласиться. Всю дорогу до музея директор уговаривал меня не волноваться, уверял, что я справлюсь, обещал помогать во всем.

Волнение как-то само собой улеглось, когда мы переступили порог музейного здания. Музей в то время находился на нижнем этаже жилого дома по улице Советской, 28, в районе площади Октября. Позже я узнала, что это помещение музей занял всего год назад, а до этого времени располагался тоже в жилом доме по проспекту Ленина, 58, в бывших художественных мастерских. Потом здесь долгие годы был магазин «Алтайский каравай». Скромные музейные интерьеры разочаровали меня. В своей, совсем молодой, жизни я видела другой музей, который навсегда остался моим идеалом, — Эрмитаж, в котором я впервые побывала в 1958 году с группой барнаульских школьников. Он поразил меня, пятнадцатилетнюю девчонку из Сибири, красотой и сказочной роскошью. Однако нужно было мириться с тем, что я увидела в барнаульском музее.

Меня встретили приветливые, доброжелательные люди и, прежде всего, сотрудница Русского музея Лидия Александровна Шапошникова, милостивая, стройная женщина с гладкой прической, лучистыми глазами и доброй улыбкой. Мне почему-то запомнилось, как она шла ко мне в легких тапочках, мягко и плавно ступая по полу. Мы познакомились, я откровенно рассказала ей, что имею отрывочные знания о художниках, никогда не изучала историю искусства и вообще я ничего не знаю! Но она доверительно обняла меня и уверенно сказала, что все обязательно получится, было бы желание.

Она провела со мной только одно занятие, но какое! Вся история русского искусства ожила в ее рассказе. Выставочная экспозиция начиналась с иконы «Умиление», а заканчивалась живописью XX века. Только впоследствии я по-настоящему оценила качественный состав

Только однажды десять колыванских ваз из Эрмитажа и Русского музея экспонировались на родине, в Алтайском крае, — в 1978 году. Это стало возможно благодаря исключительному энтузиазму Любви Шаминой.

Фото Сергея Пирогова. 1977

выставки. Здесь были удивительные портреты великих художников: Рокотова, Левицкого, Боровиковского. Академическую школу живописи представляла огромная работа «Суд над мозаичистами», которых казнили за раскрытие секретов изготовления мозаики, с пытками, кровью и страданиями. Здесь были и знаменитые передвижники: Перов, Крамской, Суриков, Серов, Левитан, пейзажисты рубежа века и советского времени: Бялыницкий-Бируля, Ромадин, Стожаров. Завершала выставку работа Пименова, лауреата Ленинской премии, из известной серии «Новая Москва». Лидия Александровна уехала в Ленинград, а я осталась одна с экспозицией,

с экзаменационной сессией, с кучей проблем.

Директор музея предоставил мне для подготовки к экскурсии свой маленький кабинет, другого помещения в музее не было, открыл библиотеку, где я набрала огромное количество книг по материалам выставки. На подготовку к первой экскурсии мне было дано несколько дней, а потом началось нечто невообразимое. Как я ни старалась, катастрофически не хватало знаний, опыта, времени, да еще одновременно нужно было сдавать сессию. В день приходилось проводить до десяти экскурсий, они тогда были бесплатными. На выставке каждый день было большое количество посетителей,

музей не вмещал всех желающих посмотреть экспозицию и люди на улице просто ждали своей очереди. Я за эти месяцы почти забыла про сон, книги по искусству буквально проглатывались и полученные сведения включались в экскурсионный рассказ. Это было какое-то ненормальное время, но счастливое. С одной стороны, плохо, что не было рядом специалиста, кто бы подсказал, помог, с другой, не на кого было надеяться, только на себя. Ведь стыдно было вести экскурсию и чего-то не знать, поэтому хотелось и все знать, и соответствовать музейному уровню. Я получила первый опыт самоорганизации и работы в экстремальных условиях.

Моим дебютным экскурсиям было далеко до совершенства. Когда схлынул первый поток посетителей, у меня появилось время для общения с произведениями. Я подолгу всматривалась в живопись, училась не только смотреть, но и видеть ее, понимать изобразительное искусство, пыталась разобраться, что волнует меня в картине, какие чувства вызывает она в моей душе и почему это происходит.

В эти месяцы я так много узнала, поняла и, как оказалось потом, уже тогда полюбила музей со всем его содержимым и особенным запахом, который тоже на долгие годы стал родным. В эти же месяцы я познакомилась с удивительными,

интересными людьми, с которыми потом долгие годы сотрудничала. Один из них — журналист, возглавлявший тогда редакцию литературы и искусства на краевом радио, которого впервые увидела в музее среди группы экскурсантов. Я уже к тому времени немного освоилась и довольно бойко рассказывала и... вдруг увидела совсем рядом микрофон. До сих пор не могу понять, что со мной произошло, я бы назвала это состояние шоковым. Меня как будто на секунду парализовало, в голове все завертелось, язык отнялся и я потеряла дар речи. Стою и растерянно молчу. Хорошо, что журналист, а это был Виктор Самуилович Серебряный, оказался очень чутким, деликатным и интеллигентным человеком, он быстро убрал микрофон и незаметно удалился. Я смогла продолжить экскурсию, но еще долго оставалась в заторможенном состоянии. Вскоре Виктор Серебряный пригласил меня к себе на встречу и попросил подготовить радиопередачу по выставке. До сих пор хорошо помню рождение моего первого текста для радиопередачи, долгую и трудную запись в студии. Виктор Самуилович заставлял меня переделывать текст, учил особому радиоязыку, который, как он говорил, был бы интересен даже домохозяйкам на кухне. В студии на записи он бесконечно прерывал меня, заставлял менять то интонацию, то правил ударение, то уточнял правильность смысловых акцентов. Для меня это была замечательная школа приобретения и накопления профессионального опыта. Впоследствии мы с Виктором Самуиловичем сделали много передач, подружились и до конца его жизни поддерживали теплые, доверительные отношения. Я до сих пор благодарна этому удивительному человеку — высочайшему профессионалу, мягкому, но требовательному руководителю, моему учителю. Виктора Самуиловича давно нет, но тепло, которое я к нему храню в душе, я оставлю до конца и моих дней.

Яркие воспоминания остались у меня и от первых встреч с сотрудниками музея, приехавшими с экзаменов из Ленинграда. Их было двое, Вера Семёновна Татаренко и Алеветина Фёдоровна Карпова. Одна занималась учетом и хранением экспонатов, другая — библиотекой.

Вера Семёновна — высокая, сутуловатая, темноволосая, очень приятная внешне. Мне было с ней

Алеветина Карпова и Вера Татаренко — первые сотрудницы Алтайского краевого музея изобразительных и прикладных искусств. Возле Академии художеств в Ленинграде. 1960 годы. Фото из архива Любови Шаминаой

интересно, она с увлечением рассказывала о художниках, знакомила с секретами хранительской работы, мы протирали рамы картин, предметы прикладного искусства, скульптуру, одним словом, наводили порядок в запаснике. Умная, строгая и требовательная, она не выносила беспорядка и легковесности в людях. Ее смертельно боялись зрители, не ладилось отнесения с Алевтиной Фёдоровной и даже с директором, тихим, сдержанным человеком.

Образ Веры Семёновны запомнился мне и по уникальной ситуации, связанной с подготовкой телепередачи по той же выставке из Русского музея. В те годы телевидение только начинало внедрять организацию телепередач с места события. Это происходило так: рано утром к музею подходил «упакованный» автобус «ПТС» с массой техники и проводов. Всю первую половину дня в музей завозились какие-то ящики, приспособления, во все залы укладывались кабели. Подготовкой и проведением творческой части передачи занимался режиссер. На алтайском телевидении это был Борис Андреевич Вахрушев, умный, талантливый, профессионально грамотный, опытный человек, но очень эмоциональный, иногда непредсказуемо импульсивный и взрывной. Он много работал с авторами текстов и ведущими программы. Так было и в данной ситуации. Вместе с Верой Семёновной режиссер перестроил экспозицию, взяв одну тему «Русский портрет».

Вера Семёновна самым добросовестным образом подготовила текст, который не выпускала из рук. Видно было, что она очень волнуется, боится камеры. Наконец, началась запись и случилось такое... Вера Семёновна не могла говорить без листочка, произнесет одну фразу и замолкает, запись прекращается, потом все продолжается сызнова.

Борис Андреевич сначала говорил спокойно, выдержал валерьянку, истерику, а часа через два взорвался: «Это же ваш хлеб, как вы не можете взять себя в руки, за каким чертом я пригласил сюда всю эту технику, можно было в студии посадить вас за стол и дать прочитать текст!» Вера Семёновна рыдала, Борис Андреевич бегал по залам, кричал. В конце концов, он усадил Веру Семёновну за стол, она читала свой текст, а операторы, по мере прочтения текста, показывали картины. После записи,

Любовь Николаевна Шамина (р. 1943)

Искусствовед, член СХ РСФСР (1985), заслуженный работник культуры России (1991), лауреат благотворительного Демидовского фонда Алтайского края (2008).

Окончила филологический факультет БГПИ и факультет теории и истории искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина в Ленинграде.

В 1967 году принята на работу в Алтайский музей изобразительных и прикладных искусств. С 1976 по 1998 — директор музея.

1997–2005 — доцент кафедры теории искусства и культурологии АлтГУ.

Создатель первого в России музея водочного завода — музея Барнаульского ликероводочного завода. К его 100-летию вышла книга «Школа Диониса», авторы Владимир Башунов, Любовь Шамина.

2006–2015 — ведущий искусствовед картинной галереи «Кармин» С.Г. Хачатуряна.

Автор многочисленных изданий по искусству — книг, альбомов, каталогов, искусствоведческих статей.

В настоящее время продолжает активную творческую деятельность: организует выставки, готовит экспертные заключения, комплекзует коллекции по искусству, читает лекции, принимает участие в Сибирских искусствоведческих чтениях, выступает со статьями об искусстве в прессе.

ход которой я видела из-за кулис, со мной тоже стало плохо, лучше бы я никогда не видела этого ужаса. Потом, когда я сама стала участницей записи телепередач, эти воспоминания мне очень мешали.

А Вера Семёновна много доброго сделала для музея: идеально вела документацию по учету художественных произведений, занималась комплектованием коллекции. Ее заслуга — формирование античного отдела и зарубежной графики из Эрмитажа. В Академии художеств она занималась по теме «Жанровая картина 1950–1960 годов в творчестве алтайских художников». Но в музее она не прижилась. В последний раз я виделась с Верой Семёновной году в 1966, когда случайно забежала в музей. Как оказалось, она была в музее последний раз, уволилась и куда-то уезжала. Высокая, красивая, она

обрезала свои роскошные волосы и предстала передо мной помолодевшей и какой-то непривычно спокойной.

Алевтина Фёдоровна была совершенной противоположностью Вере Семёновне. В музей она пришла из медицины. Невысокого роста, стройная, симпатичная, с короткой стрижкой, чуть вьющимся волосом, очень живая, общительная и ... легкая. Она положила начало формированию отдела декоративно-прикладного искусства. Имела хороший вкус, отбирала качественную живопись в коллекцию музея.

После отъезда из Барнаула она работала в Астраханском художественном музее научным сотрудником, директором, позже — в Харьковском союзе художников.

В далеком 1965 году я сделала первые шаги в волшебный мир искусства, в котором живу до сих пор. ❏